

Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-н/Д: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147-156.

МЕСТО КАК ПАЛИМПСЕСТ: МИФОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Митин Иван Игоревич,

кандидат географических наук; зам. начальника отдела проектов ГБУК г. Москвы «Центр культурных инициатив Новой Москвы»; главный редактор журнала «Культурная и гуманитарная география»; член Этнографической комиссии Русского географического общества; член Ассоциации Американских географов.

E-mail: imitin@tut.by

Мифогеография в гуманитарной географии

«Большая Российская энциклопедия» определяет гуманитарную географию как «совокупность тесно взаимосвязанных направлений географии, изучающих закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории» [Замятина, Митин, 2007, с. 151]. Мы считаем подобную – в узком смысле – гуманитарную географию специфической для современной России научной школой в рамках мировой культурной географии [Митин 2012а]. Особенности (вос)становления культурной географии в России в 1990-е гг. [Митин 2011] привели к формированию *место традиционной культурной географии* специфической школы гуманитарной географии. Культурной географии вне рамок гуманитарной географии в России практически нет [Митин 2012а]; в то же время, темы, концепции и методология гуманитарной географии весьма специфичны даже для культурной географии. Они, очевидно, серьёзно расширяют её предметную область [ср.: Стрелецкий 2002] и отличаются от распространённых в близких по содержанию западных направлениях «новой культурной» и гуманистической географии [Митин 2012а,б].

Мифогеография занимает особое место в структуре гуманитарной географии. Её неверно определять исключительно как направление, имеющее «в фокусе» своего исследования *пространственные мифы*, т.е. сводить к специфике *объекта*, которым она занята. Мифогеография специфична *особенным взглядом* на «наполнение» картины конструируемых реальностей каждого места, созданным посредством обращения к *мифологическим* моделям коммуникации и теориям *семиозиса* (современных) мифов [Митин 2006: 64]. Этот специфический способ видения географической реальности, присущий мифогеографии [Митин 2005: 347], формирует своеобразный подход в культурной географии в самом широком смысле.

Модель места как палимпсеста

Ключевое понятие мифогеографии – *палимпсест*, или модель «Место как палимпсест» [Митин 2010]. Термин «палимпсест» стал достаточно распространённой метафорой культурного ландшафта как многослойной (многозначной) структуры. В теории архитектуры и в истории городов метафора палимпсеста была призвана

подчеркнуть сохранение в городском ландшафте элементов утраченных архитектурных компонентов, планировочной структуры и других сугубо материальных компонентов. Следы исторических смыслов «проглядывали» сквозь современные ландшафты и сохраняли, таким образом, память о ландшафтах прошлого.

В географический обиход термин «палимпсест» ввёл Д. Мейниг в предисловии к знаменитой книге «Интерпретация обыкновенных ландшафтов» [Meinig 1979]. Мейниг описал процесс формирования ландшафта как растянутый во времени, в связи с чем в ландшафте всегда сохраняются следы его прошлых состояний.

Метафора палимпсеста отражает видение *ландшафта как многослойной структуры*, хранящей следы различных эпох. Место представляется как «сочетание стертых, преувеличенных, аномальных и избыточных элементов» [Crang 1998: 22]; уже не просто как текст, а как *«интертекст»*, сочетание текстуальных наслоений, различающихся по времени создания и сохранности [Brockmeier 2001]. Место – это «многослойный феномен, объединяющий прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [Urbanc et al. 2004: 101].

Метафора палимпсеста открывает путь разработкам в области *трансформации* значений места: он «позволяет стереть и переписать существующие тексты, имея в виду не только различные исторические эпохи, но и разных исторических и современных акторов» [Schein 1997: 662]. Однако, всё же, метафора палимпсеста используется как отражение *истории* ландшафта. Наиболее красочно на практике это понимание палимпсеста демонстрирует А. Баглаевский: «...Текстуальный Гданьск – скажем с самого начала – есть место-палимпсест перемешанных и затаённых цивилизационно-материальных культурных пластов, своеобразный сплав следов, фрагментов, элементов, которые можно «выгрести» из-под новоявленных напластований и которые можно читать на разных языках <...> Эти пласты только разом, а не каждый в отдельности, становятся «Гданьском»» [Баглаевский 1998: 109-111].

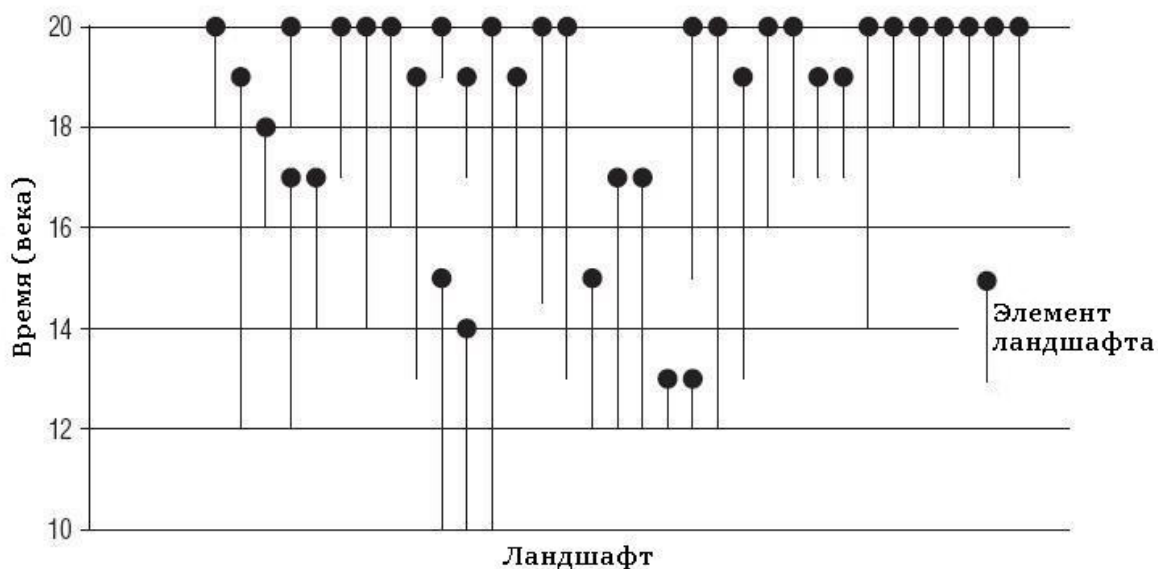

Рис. 1. Палимпсест Дж. Вербло [Urbanc et al. 2004: 119]

Попытки перевести метафору палимпсеста до уровня *модели* пока что представляются нам весьма фрагментарными. Так, М. Урбанч и группа исследователей ландшафтов постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы применяют метафору палимпсеста к наслоениям в идеологии и архитектуре. Отмечается, что метафора палимпсеста может быть «нагружена» ценностным аспектом: «То, что имеет

ценность – остается; то, что не имеет ценности – исчезнет» [Urbanc et al. 2004: 119]. Попытка визуального представления палимпсеста осуществлена Дж. Вербло [Vervloet 1986], который отразил на ней такие историко-географические трансформации ландшафта: «Некоторые элементы ландшафта остались прежними, пережив все социально-экономические трансформации. Некоторые были забыты или разрушены новыми укладами. Некоторые были заменены другими. Другие сохранили свои физические черты, но изменили своё значение. Ландшафт, в результате, есть сочетание следов разных укладов, в которых можно распознать знаки ушедших исторических эпох» [Urbanc et al. 2004: 119]. Графически эта попытка моделирования палимпсеста представлена на *рис. 1*.

В основе *мифогеографической модели* палимпсеста – представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации, описании, акнализе представлений) создаётся множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое означивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних.

Семиозис пространственных мифов

Однозначной трактовки процесса возникновения и преобразования мифологического знания не существует [Зенкин 2000]. Мы считаем наиболее удобной для интерпретации пространственных мифов и их семиозиса концепцию, предложенную Р. Бартом в его книге «Мифологии» [Барт 2000]. Это связано, прежде всего, с пристальным вниманием Барта именно к означающему и его непосредственным отношениям с означаемым и значением, простым обоснованием множественности мифов, «отталкивающих» от одного и того же означающего первичной семиологической системы.

Итак, по Р. Барту, всякий *миф* – это *вторичная семиологическая система*, построенная, как показано на *рис. 2-3* [Барт 2000: 239, 241-242].

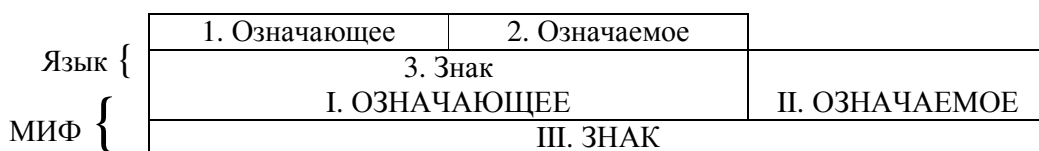

Рис. 2. Вторичная семиологическая система

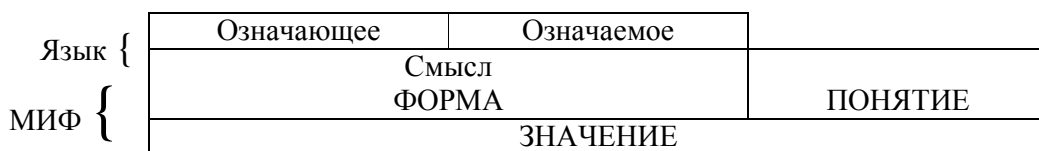

Рис. 3. Миф как вторичная семиологическая система

В пространственном мифе в качестве первичной семиологической системы – с определённой условностью – можно рассматривать не только *язык*, но и *пространство* [Митин 2006: 74-78].

Превращение смысла в форму (см. *рис. 3*) может *повторяться многократно* – никакой пространственный миф, полученный в процессе семиозиса, *не* будет конечным.

Каждый знак в определённом контексте может быть превращён в означающее (см. *рис. 2*) и наполнен новым смыслом – на очередном витке *интерпретации* пространственных представлений. Всякий раз будет просто *заново* реализован *тот же* механизм, который до этого породил исходный для данной ступени интерпретации миф. Это и есть процесс *семиозиса*.

Понимание сущности интерпретации пространства как *семиотико-мифологической процедуры* показывает, что процесс *семиозиса*, в котором на каждый знак наслаиваются снова новые значение и понятие – *бесконечен*. В географии это особенно просто: как только предметом исследования становится *не* пространство, а *повествование* о пространстве (например, комплексная географическая характеристика) – можно говорить о следующем уровне в иерархии семиологических систем. «Множественность уровней возникает как плата, внесённая мифической мыслью, чтобы иметь возможность перейти от непрерывного к прерывному» [Леви-Строс 1999: 324].

Возникают, таким образом, предпосылки для формирования *множественных реальностей* одного и того же места. Место представляется как совокупность множества автономных пластов (мы назвали их *контекстами* [Митин 2008: 102-104]), обладающая вариативной иерархией. Каждый из пластов – это, во-первых, система *материальных* элементов (например, ландшафт); во-вторых, одна из комплексных культурно-географических *характеристик* места; в третьих, некоторое пространственное представление (географический образ, пространственный миф или др.). Источник множественности пластов палимпсеста и суть конструирования характеристик – в *интерпретации*, осуществляемой посредством постоянного надления тех или иных элементов места новыми смыслами и значениями (*семиозис*)

Однако подобное видение множественных реальностей, на наш взгляд, *видоизменяет само понимание места* в культурной географии, что, собственно, и позволяет нам говорить о мифогеографии как подходе, изменяющем теоретические основы и вносящем существенный вклад в развитие российской культурной/гуманитарной географии в целом.

Территориальные культурные системы

Попытки «встроить» две базовые модели мифогеографии, описанные выше, в историческое существо культурной географии указывают на необходимость корректировки определения самой культурной географии и её *объекта* [Митин 2008].

Культурная география, коль скоро она является географической дисциплиной, не может иметь своим объектом культуру, ибо это переводит её в разряд культурологических (культурно-антропологических) наук. Проблема определения территориальной организации культуры как объекта культурной географии состоит во внутренней сложности культурной географии: перцепционная и феноменологическая традиция в культурной географии не вполне «вписывается» в узкие рамки географии культуры; кроме того, представления о географическом пространстве в различных культурах, входящие в состав предметной области культурной географии [Стрелецкий 2001, 2002], также едва ли могут рассматриваться как элемент территориальной организации культуры. Следовательно, нам необходимо определение (трактовка объекта и предмета), обращающая культурную географию к географическим объектам, но исходящая не из концепции территориальной организации общества [Дружинин 1989а]. Такой вариант возможен, исходя из понимания *территориальных социально-экономических систем* как объекта социально-экономической географии.

Объектом культурной географии можно считать территориальные культурные системы.

Ввиду особенностей самой культуры, внутренняя структура таких территориальных культурных систем должна быть весьма специфичной – она должна

включать в себя как артефакты, так и ментифакты; как материальные объекты культуры, так и их нематериальные *отражения* (представления об объектах), продуцированные сознанием. Учитывая, что *геосистема* – это «система, у которой отношение между элементами опосредовано геотерией (территорией, акваторией и т.п.)» [Алаев 1983: 60], можно предложить следующее определение территориальных культурных систем. *Территориальная культурная система – это система, состоящая из элементов (артефактов и ментифактов) культуры, отношение между которыми опосредовано территорией.* Такая расширительная трактовка территориальных культурных систем *объемлет* все диверсифицированные виды объектов, изучаемых культурной географией – культурные ландшафты во *всех* трактовках, культурные районы, культурные ареалы и др. Под такое определение территориальных культурных систем подпадают и *реальные материальные объекты, и представления о них, существующие в культуре.* Другими словами, одной из ключевых особенностей территориальных культурных систем в семействе объектов географических наук является то, что они включают в себя и ландшафты, и их характеристики; и города, и их географические описания; и реально существующие объекты, и присутствующие только в сознании людей представления о них.

Отечественные разработки в области культурной географии уже обладают опытом в формулировке определений подобных систем, однако, не имеющих всеобъемлющего (в рамках культурной географии) свойства. Так, А.Г. Дружинин рассматривает *геоэтнокультурные системы* [Дружинин 1989б]; однако, они представлены как *конкретные* «срезы» «актуальной культуры», как продукты геокультурной ситуации, как составляющие конкретных национальных культур [Дружинин, Суций 1993]. Подобным образом А.Г. Манаков предлагает термин «*геокультурная система*», рассматривая таковую как «геосистему, состоящую из совокупности взаимодействующих геокультурных общностей людей и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [Манаков 2002: 15].

Для территориальных культурных систем необходимо говорить не только о *саморазвитии*, но и о *конструировании*, что обусловлено, в первую очередь, включением в состав территориальных культурных систем элементов *интерпретации* материальных объектов, создаваемой человеком. Учитывая этот аспект, мы предлагаем нижеуказанное рабочее определение культурной географии.

Культурная география – это одна из географических наук, изучающая закономерности формирования и развития, а также правила конструирования и трансформации территориальных культурных систем.

Введение элементов конструирования и трансформации территориальных культурных систем в предметную область культурной географии обусловлено изучением ею представлений о пространстве и месте, а также и созданием различного свойства характеристик изучаемых объектов; а в трактовке современных подходов западной культурной географии – конструируемых людьми мест и ландшафтов с их семиотическими (символическими, информационными) значениями.

В этом контексте *мифогеография* представляется как методологический подход в культурной географии, представляющий её объект – территориальную культурную систему – как палимпсест, т.е. совокупность автономных целостных пластов «материальной реальности», её характеристик (описаний) и пространственных представлений (мифов, образов, идентичностей и проч.).

Мифогеография за пределами репрезентаций

Мифогеография как подход – как и было показано выше – глубоко укоренена в отечественной гуманитарной географии и созвучна западной «новой культурной» и гуманистической географии. Обозначенные англо-американские подходы, однако, вот уже

два десятилетия подвергаются критике за излишнее увлечение репрезентациями, «картинками в голове» в ущерб реальности материальных объектов. Развивается представление о «третьем» – «реальном-и-воображаемом» пространстве [Lefebvre 1991; Soja 1996], в котором «на самом деле» живут и действуют люди. В этом контексте вся занятая представлениями культурная/гуманистическая география интерпретируется как своеобразная геополитика, поставленная властью на службу своим корыстным интересам посредством СМИ [Lacoste 1976, 2000].

В обозначенных условиях обнаруживается тенденция к *рематериализации географии* [Lees 2002] и возникновению так называемой *критической географии* [Cultural... 2005]. Вырастая из радикальной географии [Harvey 1973; Massey 1984; Smith 1984; Thrift 2006], она становится одной из ведущих парадигм в англо-американской географии, в фокусе которой оказываются проявляющиеся географически проблемы неравенства в пространстве, повседневная жизнь («практики») сообществ людей, их самоорганизация в пространстве и само конструирование *мест* обычными людьми, созвучное «праву на город», провозглашённое ещё А. Лефевром [Lefebvre 2000: 63-184].

В этом контексте, на удивление, мифогеографический подход демонстрирует свою *эффективность*: он позволяет актуализировать те интерпретации конкретного места, те из его множественных реальностей, которые связаны именно с повседневной жизнью осваивающих его людей. Мифогеография позволяет российской гуманитарной географии постепенно «завоёвывать» и традиционные поля критической географии – без того противостояния географии представлений, которое случилось на Западе [Митин 2012а].

Литература

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.

Багласвський А. Місто. Палімпсест / Перекл. Г. Чопік // Ї. 1998. №13. С. 109-131.

Барт Р. Мифологии / Пер. с франц., вступ.ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

Дружинин А.Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989а.

Дружинин А.Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО. 1989б. Т. 121. Вып. 1. С. 59-64.

Дружинин А.Г., Суций С.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия РГО. 1993. Т. 125. №6. С. 27-36.

Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев – Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.

Зенкин С. Ролан Барт – теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии / Пер. с франц., вступ.ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 5-53.

Леви-Строс К. Мифологии: В 4-х тт. Т 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Возрождение, 2002.

Митин И.И. Мифогеография [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 347-348.

Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2006. С. 64-82.

Митин И.И. Культурная, гуманистическая и гуманитарная география через призму мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / Отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. С. 87-110.

Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011. №4(5). С. 19-25.

Митин И.И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012а. Т. 1. №1. С. 1-10.

Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал. 2012б. №13. С. 3-11.

Стрелецкий В.Н. Этническое расселение и география культуры // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985-1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112-143.

Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18-28.

Brockmeier J. Texts and Other Symbolic Spaces // Mind, Culture and Activity. 2001. Vol. 8. No. 3. P. 215-230.

Cragg M. Cultural Geographies. L.: Routledge, 1998.

Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts / Ed. by D. Atkinson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne. L. – N.Y.: I.B. Tauris, 2005.

Harvey D. Social Justice and the City. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

Lacoste Y. La géographie, ça sert, d'abord, à faire la guerre. Paris: François Maspero, 1976.

Lacoste Y. Rivalries for Territory // Geopolitics. 2000. Vol. 5. No. 2. P. 120-159.

Lees L. Rematerializing Geography: The 'New' Urban Geography // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26. No. 1. P. 101-112.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

Lefebvre H. Writings on Cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. Oxford: Blackwell, 2000.

Massey D. Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. London: Macmillan, 1984.

Meinig D.W. Introduction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. by D.W. Meinig. New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 1-7.

Mitin I. Palimpsest // SAGE Encyclopedia of Geography / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010.

Schein R.H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene // Annals of the Association of American Geographers. 1997. Vol. 87. No. 4. P. 660-680.

Smith N. Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. Oxford: Blackwell, 1984.

Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Basil Blackwell, 1996.

Thrift N. Space // Theory, Culture & Society. 2006. Vol. 23. No. 2-3. P. 139-155.

Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K. Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century // Acta Geographica Slovenica. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 101-131.

Vervloet J.A. Inleiding tot de historische geografie van de Nederlandse cultuurlandschappen. Wageningen, 1986.

